

**ХУАНО
КОРТАСАР**

Сiesta вqбоем

Возьме тебе такое не приснится...

СТИЛЬ
НОВЫЙ

Хулио Кортасар

Жаркие ветры

OCR Busya

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=155993

*Хулио Кортасар «Сиеста вдвоем», серия «Новый стиль»: КРИСТАЛЛ;
Санкт-Петербург; 2002*

Аннотация

«Сиеста вдвоем» – коллекция избранных произведений классика мировой литературы аргентинского писателя Хулио Кортасара (1914 – 1984). В настоящем издании представлены наиболее характерные для автора рассказы, написанные в разные годы.

За исключением рассказов «Здоровье больных» и «Конец игры» все произведения печатаются в новых переводах, специально подготовленных для настоящего издания.

Все переводы, составившие книгу, выполнены Эллой Владимировной Брагинской.

Содержание

Хулио Кортасар

Жаркие ветры

Трудно сказать, кому из них пришло это в голову, – наверно, Вере, когда они праздновали день ее рождения. Маурисио решил открыть еще одну бутылку шампанского, и они, смакуя его маленькими глотками, танцевали в гостиной, где от дыма сигарет и ночной духоты загустевал воздух; а может это придумал Маурисио в те минуты, когда печальный «Blues in Thirds» принес далекие воспоминания о первой по-ре, о первых пластинках, о тех днях рождения, которые еще не стали привычным отлаженным ритуалом. Прозвучало это шуткой, когда, танцуя в полудреме, дурманной от вина и сигарет, они тихо болтали, улыбаясь, как два заговорщика – а почему бы и нет, в конце концов, это вполне осуществимо, чем плохо провести там лето? Оба почти равнодушно листали проспект турагентства, и вдруг – идея, то ли Веры, то ли Маурисио: давай позвоним, поедem в аэропорт, попробуем, может стоит свеч, такое не откладывается – да так да! В конце концов, все равно вернутся – плохо ли – хорошо ли, спрячутся под этой безобидной, вошедшей в привычку иронией, как возвращались из стольких безрадостных поездок, но давай попытаемся по-другому, все обдумаем, решим заранее.

На этот раз (в том-то и новизна плана, который пришел в голову Маурисио, хотя это могло зародиться от случайно оброненного замечания Веры, как-никак двадцать лет совместной жизни, удивительное совпадение мыслей – фразу начатую одним, заканчивает другой на другом конце стола или телефонного провода) все может быть по иному, надо лишь отработать, продумать правила, и – развлекайся с самого начала, с того, не бред ли! что они полетят разными самолетами, останутся в одном отеле, но как совершенно чужие, а потом, дня через два-три, случайная встреча, скажем, в столовой или на пляже, у обоих возникнут новые знакомые, как водится на курортах, договоримся заранее – держаться друг с другом любезно, упомянуть ненароком в общем разговоре о своей профессии, представиться, может за коктейлем, где будет столько людей и судеб и столько тяги к легкому необременительному приятельству летних отпусков.

Да кто там обратит внимание на то, что у них одна и та же фамилия? Она такая распространенная. Но куда как забавно, что отношения меж ними станут складываться постепенно, подчиняясь ритму жизни всего отеля, оба заведут свои компании, будут развлекаться врозь, не искать встреч друг с другом и лишь время от времени видеться наедине и смотреть глаза в глаза, как сейчас под звуки «Blues in Thirds»; поднимая бокалы с шампанским, они останавливались, и тихо, в такт музыки, чокались – дружески и утомленно, и вот уже почти час ночи в дыме от сигарет и аромате духов, Мау-

рисио сам выбрал их к этому вечеру, но вдруг засомневался – не спутала ли Вера, а она, чуть-чуть вздергивая нос, втягивала воздух – это было какое-то особенное, ее движение.

В дни рождения они спокойно и любезно дожидались ухода последних гостей, а потом любили друг друга в спальне, но на этот раз они были только вдвоем, им не захотелось никого приглашать, потому что на людях еще скучнее; они дотанцевали до конца пластинки, и, обнявшись, глядя полусонно друг в друга, вышли из гостиной, все еще сохраняя ритм смолкшей музыки, и потерянные, почти счастливые, босиком ступили на ковер спальни, а потом неспешно раздевались на краю постели, помогали, мешали друг другу – поцелуи, пуговицы, поцелуи и... вот еще одна встреча, все те же, давно заученные ласки при зажженной лампе, которая как бы руководит ими, разрешая только эти привычные жесты, а потом медленное, усталое погружение в нерадостное забытие после не раз изведанных рецептов любви, которым следуют их тела, их слова.

Утром – было воскресенье и шел дождь – они завтракали в постели и все решили всерьез, надо лишь обсудить заранее последние детали, чтобы это не стало еще одним тусклым путешествием и, главное, еще одним возвращением к прежнему. Они перечислили все пункты, загибая пальцы. Поедут отдельно – это раз. Поселятся порознь, но в одном отеле, где и постараются получить все блага от летнего отпуска – это два. Никаких упреков и осуждающих взглядов, так хорошо

знакомых им обоим – три. Встречи наедине, но лишь затем, чтобы поделиться впечатлениями, подумать вместе, стоило ли затевать все это – четыре. И наконец пункт пятый – все, как прежде, домой – одним самолетом, другие люди уже не в счет (а там, как знать – ясность внесет четвертый пункт). То что произойдет потом, пока не обсуждается, это – зона, обозначенная раз и навсегда, но нечетко, пока речь может идти о сумме случайных величин, где допустимо все, однако не стоит говорить об этом раньше времени.

Рейсы в Найроби были по четвергам и субботам, Маурисио улетел первым, в четверг, прямо после обеда с лососиной, тостами и обменом талисманов, главное – не забудь хинин, и не оставь, как всегда, крем для бритья и пляжные сандалии.

Забавно приехать одной в Момбасу, а потом – час езды на такси – подкатить к «Trade Winds»¹, к бунгало почти у самого пляжа, где на ветвях кокосовых пальм кувыркаются обезьяны и повсюду улыбающиеся африканские лица. Забавно увидеть издалека Маурисио, он уже вполне освоился, играет в настольный теннис с какой-то парой и стариком в рыжих бакенбардах.

После коктейля она вышла на открытую веранду над самым морем и увидела Маурисио вблизи, среди туристов, он появился с женщиной и двумя молодыми людьми в тот момент, когда все увлеченно говорили о морских раковинах

---

¹ Пассаты (*англ. метеор.*).

и рифах, и спустя какое-то время поинтересовался, откуда прилетела Вера, да, и я из Франции, а профессия – геолог. Неплохо, если бы он действительно был геологом, подумалось Вере, пока она отвечала на расспросы незнакомых людей, да, врач-педиатр, время от времени нужен отдых, чтобы не впасть в депрессию, старик с рыжими бакенбардами оказался дипломатом на пенсии, его супруга одета, словно ей двадцать, но пусть, можно простить в таком месте, где все смахивало на яркий цветной фильм, включая щеголей-официантов и обезьян. Даже название отеля «Trade Winds» напоминало о Сомерсете Моэме, о Конраде, коктейли подавали в кокосах, рубашки расстегнуты, вечером после ужина прогулка вдоль берега, прихотливо разрисованного зыбкими тенями под безжалостно яркой луной, вызывающей великое изумление приезжих, уставших от тяжелого дымного неба.

Последние будут первыми, вспомнила Вера, когда Маурицио сказал, что его комната в самой комфортабельной части отеля, такой шик! однако в бунгало у самого моря – особая прелесть. Вечером играли в карты, а день – долгий-долгий диалог солнца и тени, море, спасительный ветерок под пальмами, теплые накатывающие волны, которым тело отдает скопившуюся усталость, прогулка в пироге к рифам, где ныряли и плавали в масках, совсем рядом со стайками доверчивых рыбок, и любовались кораллами, красными, голубоватыми. На второй день только и разговоров что о двух морских звездах – одна в розовую крапину, другая в синих треугольниках,

а на третий – время заскользило, покатилося, как ласковая морская вода по коже, Вера плавала с Сандро, который возник где-то меж двумя коктейлями, он без умолку говорил о Вероне и о машинах, англичанин с рыжими бакенбардами сильно обгорел, и к нему вызвали врача из Момбасы, лангусты были до невероятия огромные в своих последних жилищах, украшенных майонезом и кружочками лимона, словом – прекрасный летний отпуск. Губы Анны слабо и отстранено улыбались, будто она где-то далеко, а не в баре, откуда на четвертый день вышла со стаканом в руке, ветераны – три дня это срок! – встретили ее на веранде всевозможными советами и наставлениями, к северу полно морских ежей, очень опасных, Боже упаси без шляпы в пироге и непременно что-нибудь на плечи, англичанин, бедняга, дорого заплатился, а негры, нет, чтобы предупредить своих гостей, да о чем говорить, и Анна благодарно, но без пафоса кивает головой, медленно потягивая мартини и как бы показывая всем своим видом, что приехала побыть в одиночестве, наверно из Копенгагена или из Стокгольма, который на время нужно забыть. Чутье подсказало Вере, что Маурисио – с Анной, да конечно с Анной, и меньше чем за сутки, она играла в пинг-понг с Сандро и увидела, как они пошли к морю, как улеглись на песок, Сандро отпустил шуточку насчет Анны, как-то не располагает к себе, стылая, как северные туманы, он легко выигрывал партии, но как истинный итальянский рыцарь время от времени поддавался, уступал мячи, и Вера,

понимая это, мысленно благодарила, двадцать один – восемнадцать, не так уж плохо, дело тренировки. В какой-то миг Маурисио, засыпая, подумал, что так или иначе, все складывается хорошо, хотя, смешно сказать – Вера спит в ста метрах от его комнаты, в бунгало под ласковый шорох пальм, тебе повезло, жена, позавидуешь. Они оказались рядом на экскурсии к ближним островам, и веселились от души, когда плавали и придумывали разные игры вместе с другими; Анна сожгла плечи, и Вера дала ей свой крем, поверьте, детский врач со стажем знает про все кремы на свете, англичанин, бедняга, появился сникший, растерянный, на сей раз осмотрительно прикрытый небесно-голубым халатом, вечером по радио без конца говорили о Джомо Кениате ², и о племенных расправах, кто-то знал уйму всего о воинственных масаях ³, и опустошая бутылку за бутылкой, занимал общество рассказами об этом народе, страшными историями о львах, и не была, конечно, забыта баронесса Карен Бликсен ⁴, амулеты из слоновьих волос – сплошная ерунда, стопроцентный нейлон, и так, что не возьми в этих африканских странах. Вера не понимала, какой был день – четверг, среда? – когда Сандро проводил ее до бунгало после прогулки по берегу, где

---

² Джомо Кениата (1893 – 1978) – президент Республики Кения.

³ Масай – один из народов, населяющих страны Африки.

⁴ Карел Бликсен (1885 – 1962) – классик датской литературы, автор романа «Моя африканская ферма», по ее биографии был сделан художественный фильм «Из Африки» (Режиссер Сидней Поллак, 1985).

они целовались так, как надо целоваться на таком пляже, при такой луне, она позволила ему войти, едва он положил руку на ее плечо, и позволила любить себя всю ночь до рассвета, она услышала странные вещи, узнала, как бывает по-другому, и засыпала медленно, наслаждаясь каждой минутой блаженной тишины под почти невидимой москитной сеткой. У Маурисио это произошло в часы сиесты, после обеда, когда его колени коснулись упругого бедра Анны, он довел ее до двери, шепнул «пока», заметил, как она слегка задержала его пальцы на дверной ручке, вошел следом и пропал, утонул в невыносимо глубоком блаженстве, которое отпустило их на волю лишь к ночи, когда многие уже забеспокоились – может, заболели? – и Вера нетвердо улыбалась, обжигая язык адской смесью кампари с кенийским ромом, которую Сандро взбивал для нее в баре к ужасу Мото и Никуку: эти европейцы скоро рехнутся все до единого.

По утвержденному договору их встреча пришлась на субботу, в семь вечера. Вера, улучив момент, когда на пляже никого не было, кивнула в сторону пальмовой рощи – вполне подходящее место. Они обнялись с прежней нежностью, смеялись, как нашалившие дети, ну да, пункт четвертый, выясним, что ж, оба очень милые люди, бесспорно. Мягкая пустынность песка и сухие ветви, сигареты и этот бронзовый загар пятого, шестого дня, когда глаза сияют, как новые, и говорить друг с другом – праздник. Все идет прекрасно, чуть ли не сразу сказал Маурисио, а Вера: нет, все – превосходно,

судя по твоим волосам. Почему по волосам? Потому что они блестят по-особому, это от соли, дуреха, может быть, но от этой соли они обычно склеиваются, хохот мешает им говорить, да и к чему слова, они смеются, смотрясь друг в друга, а закатное солнце быстро уходит за край неба, гляди внимательнее – увидишь легендарный зеленый луч, да я пытался прямо с балкона и ни черта, а-а-а, у вас есть балкон, сеньор, да, досточтимая сеньора, балкон, но вы шикаете в бунгало, лучше не придумать для оргий под звуки океана. И как-то само собой, чуть ли не вскользь, зажигая новую сигарету: да нет, он действительно потрясающий, у него все так... Верю, раз ты говоришь. Ну а твоя, расскажи. Не говори – твоя, это режет слух. Будто мы члены жюри и распределяем премии. Не будто! Ну ладно, только Анна... О! Сколько меда в твоём голосе, когда ты произносишь её имя, словно вылизываешь каждую букву. Каждую нет, но. Свинья! А ты? Вообще-то вопрос не ко мне, хотя. Могу себе представить, все итальянцы вышли из Декамерона. Маурисио, ты что, мы же не на сеансе групповой терапии. Прости, это не ревность, да и кто вправе. А-а, ну good bye! Значит – да? Значит – да, нескончаемо прекрасно, невыразимо прекрасно. Поздравляю, я бы не хотел, чтобы тебе было не так хорошо, как мне. Однако, по правде, я не очень представляю твою радость, а наш четвертый пункт предполагает, вспомни. Твоя правда, хотя нелегко найти слова. Анна, как волна, как морская звезда... Красная или фиолетовая? Всех цветов сразу, золотистая река, розо-

вые кораллы. Ба-ба, сеньор – уже скандинавский поэт? А вы, сеньора – венецианская блудница. Он из Вероны, а не Венеции. Какая разница, на памяти все равно Шекспир. Действительно, мне не пришло в голову. Итак, все остается в силе? Да, Маурисио, у нас еще пять дней. Главное – пять ночей, проведи их как следует. Не сомневайся, он обещал посвятить меня в таинство, так он именуется это высокое искусство, которое позволяет постичь глубины реальности. Ты мне потом растолкуешь, надеюсь? В подробностях, поверь, а ты расскажешь о твоей золотистой реке и голубых кораллах. Розовых, малыш. Словом, мы, как видишь, не теряем даром времени. Поглядим – посмотрим, во всяком случае, мы не теряем его сейчас, и именно поэтому не следует так долго задерживаться на четвертом пункте. Окунемся перед виски? Виски – фу, пошлость, меня угощают карпано, джином. О! Пардон! Ничего, бывает, хорошие манеры – дело наживное, хотя требует времени, давай поищем зеленый луч, вдруг повезет?

Пятница – день Робинзона, кто-то вспомнил об этом за коктейлем, и разговор завертелся вокруг островов и кораблекрушений, с моря налетел тугой и яростный порыв ветра, который посеребрил листья пальм и принес нездешний гомон птиц, долгие перелеты, старый моряк и альбатрос, как у Колриджа ⁵, эти люди умеют жить, каждая порция виски сдобрена фольклором, старинной песней о Гебридах или о Гваделупе, к концу дня Вера и Маурисио подумали об од-

---

⁵ Здесь – отсылка к поэме Самуэля Колриджа «Песнь о старом моряке» (1798).

ном и том же: отель вполне заслуживает свое название, для них это пора жарких ветров. Одним словом – пассаты. Анна, дарующая забытые бури, Сандро, великий изошренный творец, жаркие ветры, вернувшие им те времена, где не было привычки, где все – откровение, начало, дерзкие выдумки, шквал в постели, где все только теперь и уже не теперь, и поэтому пассаты будут дуть до четверга, до конца дней вне времени, которые обернулись далеким прошлым, мгновенным броском к истокам, к новому цветению, к острому счастью, где – и они оба это знали, еще до всех пунктов договора – все равно звучали горькие звуки «Blues in Thirds».

Они не говорили об этом, встретившись в Боинге, улетавшем из Найроби, каждый закурил первую сигарету возвращения. Смотреть друг в друга как раньше? Но им мешало что-то, для чего нет слов, и они забивали молчание веселыми историями о «Trade Winds», потягивая вино; надо было как-то сохранить эти Trade Winds, эти жаркие ветры, пусть они будут попутными; пусть это милое сердцу плаванье под парусом, которому они препоручили себя, покончит с днями, похожими на липкую жирную нефть, которая льется отравой в шампанское их годовщин и в надежды каждой ночи. Затягиваясь сигаретами, они продолжали глотать ветры Анны и Сандро, подставляя им лица, – почему, Маурисио? Теперь она видит только Сандро: его кожа, его волосы, его голос, и лицо Маурисио становится тоньше, деликатнее, а хриплый смех Анны в самом накале любви стирает улыбку, которой

Вера так трогательно пытается скрыть свое отсутствие. Шестого пункта не было в их соглашении, но они не стовариваясь, могли придумать его: что странного в том, если он возьмет и предложит Анне еще виски, а она в знак согласия погладит его ласково по щеке и скажет – да, скажет – да, Сандро, неплохо бы выпить еще виски, чтобы пропала эта дурацкая боязнь высоты, и продолжить эту игру до конца полета и в аэропорту, уже не нуждаясь в новых статьях договора, просто решить, что Сандро захочет проводить Анну до дома и она согласится на этот обычный знак мужского внимания, не более, а у дверей именно она достанет ключ и пригласит Сандро выпить чего-нибудь еще и попросит оставить чемодан в прихожей, проведет его в гостиную, извинится – столько пыли и не проветрено, раздернет шторы, принесет лед, а Сандро тем временем с видом знатока станет разглядывать гравюру Фридендера ⁶ и полку с пластинками. Был двенадцатый час, они выпили за дружбу, и Анна принесла баночку печени трески и бисквиты. Сандро помог ей сделать бутерброды, но они не успели их попробовать, руки, губы нашли друг друга, они упали на постель и разделись, путаясь во всех этих пуговицах, тесемках, петлях, и, откинув одеяло, сняв со стола лампу, овладели друг другом не торопясь, с ожиданием и надеждой, с шепотом надежды.

Бог знает, когда пришел черед виски и сигаретам, они сидели на кровати, откинувшись на подушки, и курили при

---

⁶ Фридендер, Адольф (1851 – 1904) – немецкий график и плакатист.

свете лампы, поставленной на пол. Оба прятали глаза, а слова, наталкиваясь на стену, отлетали от нее не упруго, а вяло, точно мячи, брошенные нехотя: она первая сказала вслух, будто задала себе самой вопрос, что будет с Верой и Маурисио после «Trade Winds», что с ними будет, когда вернутся.

– Они, наверное, все уже поняли, – сказал он. – Им все ясно, и теперь ничего нельзя сделать.

– Всегда можно что-то сделать, – сказала она, – Вера не сможет оставить все, как есть, достаточно посмотреть на нее.

– Маурисио – тоже, – сказал он. – Я с ним был едва знаком, но теперь уже нет сомнений. Ни один из них не сможет оставить все вот так, и, пожалуй, нетрудно вообразить, что они сделают.

– Да, совсем нетрудно, я вижу их обоих.

– Скорее всего, они не спали, как и мы, и сейчас разговаривают, пряча глаза. У них уже нет слов друг для друга. Наверно, Маурисио, именно он, откроет ящик и возьмет синий пузырек. Вот как этот, смотри.

– Вера сосчитает сколько таблеток и поделит их поровну, – сказала она. – Ей всегда приходилось заниматься практическими вопросами, она с этим справится в один момент. По шестнадцать каждому, четное число, так что проще простого.

– Они будут глотать их сразу по две с виски, одновременно, не опережая друг друга.

– Таблетки, наверно, горьковатые на вкус, – сказала она.

– Кислые, сказал бы Маурисио.

– Да, может и кислые. Потом они погасят свет неизвестно зачем...

– Кто знает зачем? Но они и вправду погасят свет и обнимутся. Я знаю, знаю, что – обнимутся.

– В темноте, – сказала она, протянув руку к выключателю. – Вот так, правда?

– Так, – сказал он.